

Министерство образования и науки РФ

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова»
Кафедра истории Отечества

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Сборник научных статей

Изд-во АлтГТУ
Барнаул • 2016

УДК 94+008(08) ББК 63.3+71
П 781

Проблемы истории и культуры в современном мире : сб. науч. статей / отв. ред. И. Н. Никулина, О. А. Литвинова, Н. Г. Павлова; Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2016. – 283 с.

ISBN 978-5-7568-1214-5

Предлагаемый сборник содержит статьи, посвященные различным проблемам истории и культуры, представленные белорусскими, казахскими, китайскими, польскими, российскими исследователями.

Издание рассчитано на широкую аудиторию преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами истории и культуры.

ISBN 978-5-7568-1214-5

© Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, 2016

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЯ
БЕЛОРУССКИХ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ.

Е. В. Серак

Одним из элементов наказания участников восстания 1863–1864 гг. из белорусско-литовских губерний стала ссылка в Сибирь. Во второй четверти XIX в. ссылка оформляется как самостоятельный вид наказания, состоящий в удалении как в судебном, так и в административном порядке на определенный срок или бессрочно. Места ссылки определялись в широких пределах, включали территорию Европейской России, Западную и Восточную Сибирь. В результате этого процесса более 20 тысяч уроженцев Беларуси были перемещены в новые социальные реалии, что соответственно находит отражение как в белорусской истории, так и в истории Сибири.

Для регламентации ссылки предусматривалось создание комплекса нормативно-правовых актов. Одним из первых документов такого рода стал рескрипт Александра II от 14 января 1863 г., адресованный виленскому военному, гродненскому, минскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову о мерах борьбы с начинающимся повстанческим движением [37, с. 60–61]. В. И. Назимов наделялся особой властью и полномочиями военного времени – классифицировать всех содержащихся под арестом по принципу большей или меньшей тяжести совершенного ими преступления и предавать военному суду. Указом Сената от 15 января 1863 г. в пограничных с Королевством Польским уездах белорусско-литовских губерний объявлялось военное положение [10, л. 11–14; 48, л. 33–34]. В результате взятые в плен повстанцы подлежали военному суду на основании военно-уголовного устава 1859 г., который гласил: «все жители в губерниях и областях, объявленных в военном положении, совершившие какое-либо противозаконное деяние, подлежат военному суду на основании полевых уголовных законов» [41, с. 21].

Установление спокойствия и организация расследования были возложены на прибывшего 14 мая 1863 г. в Вильно в качестве виленского военного губернатора, генерал-губернатора ковенского, гродненского и минского, начальника Виленского военного округа с подчинением губерний Могилевской и Витебской генерала от инфанте-

рии М. Н. Муравьева. Для определения степени виновности задержанных участников восстания создавались специальные судебные следственные органы: военно-следственные комиссии, институт военно-уездных начальников, военно-судебные комиссии, полевой аудиторiat. Военно-следственные комиссии были созданы во всех губернских городах, к февралю 1863 г. в Вильно и Гродно, к марту–апрелю 1863 г. в Минске и Витебске, к маю 1863 г. в Могилеве [8, л. 1; 17, л. 1; 19, л. 6, 120; 47, л. 14]. Такие же комиссии учреждались в большинстве уездных городов. На протяжении апреля–мая 1863 г. сформированы следственные комиссии в таких городах Могилевской губернии, как Орша, Горки, Чериков, Сенно [18, л. 10; 21, л. 1; 22, л. 2]. С июня 1863 г. образованы следственные комиссии в следующих городах Гродненской губернии: Бресте, Слониме, Кобрине, Пружанах и Волковыске [46, л. 1]. В июне 1863 г. открыты следственные комиссии в уездных городах Виленской губернии: Лиде, Вилейке, Ошмянах. В тот же период начинают действовать комиссии в шести городах Минской губернии – Слуцке, Игумене, Борисове, Мозыре, Пинске и Новогрудке [45, л. 3]. В августе 1863 г. в г. Лепеле Витебской губернии была образована следственная комиссия по политическим делам, присланным из Динабургской следственной комиссии [9, л. 26]. Генерал-губернатором М. Н. Муравьевым перед ними ставилась задача «расследования поступков всех лиц, которые участвовали в бунте в большей либо меньшей степени, непосредственно или опосредованно». Был отдан приказ «притянуть к ответственности также и тех обывателей, которые давали приют повстанцам, доставляли им хлеб, оружие и деньги» [1, с. 113]. Вместе с этими указаниями М. Н. Муравьев распорядился, чтобы все жители края вернулись на свое постоянное место жительства и несли на местах ответственность за состояние своих лесов и земель. Наказанием за недонесение о приближении к их землям повстанцев являлась отдача под военный суд [11, л. 2–2 об.].

Военно-следственные комиссии создавались при военных формированиях российской армии и состояли в основном из офицеров и унтер-офицеров. Председатель комиссии чаще всего имел звание майора или штабс-капитана. Делопроизводителями и аудиторами могли быть назначены гражданские чиновники [27, л. 7, 9–9 об.]. Следственные комиссии вели предварительное расследование и занимались первичным рассмотрением дел повстанцев. Их деятельность была направлена на проведение допросов, установление виновных и вида наказания для повстанца, вынесение приговоров как обвинительного, так и оправдательного характера. Комиссии занимались рассмотрением поданных заключенными прошений о возможности перевода из острога в приют,

о проведении очной ставки, о предоставлении «отпуска» для решения семейных, имущественных и бытовых вопросов [28, л. 22–28 об., 110, 112]. Следственные комиссии имели ряд делопроизводственных обязанностей: подготовка кратких выписок из судебно-следственных дел для военного суда, составление месячных отчетных ведомостей, представление статистического материала в отношении вынесенных участникам восстания 1863–1864 гг. наказаний [29, л. 7, 9–9 об.; 30, л. 15].

Следственные комиссии проводили рассмотрение дел самого разного содержания: дела самих участников восстания, тех, кто подозревался в оказании помощи повстанцам путем сбора и доставки продовольствия, денег, оружия, пороха, медикаментов, кто выражал сочувствие восстанию или его отдельным участникам. Отложившиеся в фондах военно-следственных комиссий судебные дела состоят из нескольких типов документов: протоколы допросов, обысков, очных ставок, выписки из показаний, обвинительные заключения, клятвенные обещания. Участники событий рассказывали не только о своем пребывании в том или ином повстанческом отряде, но и сообщали наиболее полные сведения о действиях отрядов, о местах и количестве сражений, стычек с российскими войсками, указывали маршруты движения, способы снабжения продовольствием и оружием, рассказывали о взаимоотношениях повстанцев с местными жителями. К одной из главных задач комиссий можно отнести выявление лиц (на основании показаний), которые имели отношение к восстанию, для дальнейшего их ареста и наказания. В комиссиях формировались алфавитные списки, куда вносились фамилии всех тех, кого подследственные упоминали на допросах. Так, в протокольном заключении шляхтича Лукациевского значится: «всех оговариваемых лиц привлечь к ответственности и о них по собрании сведений от других добровольно явившихся с удостоверением в справедливости обвинений произвести следственное дело» [34, л. 6]. Прощения заслуживали те из участников восстания, кто называл большее число фамилий своих соратников.

Следственные комиссии, несмотря на постоянное увеличение их количества, не могли справиться с наплывом арестованных повстанцев. В силу ряда причин «производящиеся дела по неимению особого делопроизводителя и по недостатку канцелярии замедляются окончанием», «завершенные дела не представляются за неимением времени у членов комиссии составить своевременно краткие выписки, так как кроме допросов и постановлений вынуждены заниматься составлением исходящих бумаг, ведомостей и прочей перепиской» [9, л. 1 об., 2]. Многие дела в уездах значились под заглавием «о найденном оружии и боевых

снарядах», между тем оказывалось, что большая часть дел начата по случаю «найденных у некоторых лиц негодных стволов или прикладов, по одному или два заряда пороху» [9, л. 11]. Другие дела в уездных комиссиях находились в производстве более года и не оканчивались только по причине не проведения допроса. В следственные комиссии на рассмотрение и решение поступали дела, по которым виновные не установлены вообще. В комиссиях зачастую действовали совершенно не готовые к выполнению возложенных на них должностных обязанностей чиновники. Подобный факт выявлен в Мозырской следственной комиссии, по результатам рассмотрения ведомости о политических делах рекомендовано «изменить или дополнить состав комиссии опытными и знающими следственное производство чиновниками, так как из отчетов, представляемых аудиториату, видно, что не было решено ни одного дела» [12, л. 252–255]. Незначительно повлияло на ситуацию и введение изменений в графике работы следственных комиссий. В предписании М. Н. Муравьева от 1 июля 1863 г. было рекомендовано проводить заседания два раза в день [19, л. 77–78].

Стоит подчеркнуть тот факт, что следственные комиссии порой довольно формально подходили к исполнению своих обязанностей, во все не пытаясь найти какие-то дополнительные обстоятельства «преступлений», совершенных подсудимыми. Виленским аудиториатом были выявлены многочисленные факты нарушений в производстве следствия, допущенные комиссиями. Многие дела не содержали сведений о причинах задержания обвиняемых лиц и начинались с выяснения обстоятельств, за что они арестованы. Допросы обвиняемых производились поверхностно, касались только некоторых частей обвинения, иногда не соответствовали существу дела. У свидетелей не уточнялось, как им стали известны обстоятельства преступления, были ли они очевидцами. Свидетели назывались в одних показаниях настоящими фамилиями, при передопросах именовались только по отчеству. Часто без допроса оставались те, на кого ссылались обвинители, иногда вовсе не подвергались допросу сами обвиняемые. Без внимания оставались требования обвиняемых предоставить им очную ставку. Свидетели, в свою очередь, то обвиняли, то отказывались от данных показаний, то «говорили, что они вовсе не знают арестованных и что показания их относились к другим лицам» [26, л. 93–102]. Следует также отметить, что в компетенции следственных комиссий находились вопросы, связанные с размещением подсудимых, регламентацией порядка содержания, свиданий, изменения места содержания, а также в их обязанности входило проводить ежемесячные

ревизии с предоставлением отчетов о количестве арестантов. Число арестованных неизменно увеличивалось, что привело к перенаселению мест временного заключения. К весне 1863 г. местом содержания подсудимых являлись тюремные замки, казармы батальонов внутренней стражи, частные дома и приюты. Необходимые условия для содержания массового количества арестантов отсутствовали. Об этом свидетельствует рапорт смотрителя могилевского тюремного замка от 17 августа 1863 г. в местную следственную комиссию: «в замке по многочисленности арестантов помещение в камерах стеснительное, для вновь препровождаемых нет места, просим распоряжения вновь прибывших инсургентов отсылать для содержания в казармы батальона или в богоугодное заведение» [14, л. 36–37 об.]. Ситуация не изменилась и к ноябрю 1863 г. В рапорте отмечалось, что «арестантов содержится 90 человек, размещены неимоверно тесно, могут возникнуть эпидемические болезни по случаю постоянно спертых воздуха» [14, л. 88]. В ходе ревизий высшим военным начальством установлены многочисленные нарушения режима пребывания под арестом. Витебский тюремный замок был рассчитан на 126 арестантов, на момент ревизии в июне 1864 г. здесь содержались 312 повстанцев, в Полоцке – 29 и 40 соответственно, в Лепеле – 19 и 33, в Себеже – 15 и 25 человек [16, л. 13, 18].

Массовые аресты привели к тому, что в Волковыске по приказу полковника Казанли в 1863 г. был занят частный дом Т. Щигельской, только потому, что он расположен наиболее близко к острогу. В нем под охраной содержались 44 человека [31, л. 127–128]. В городах была введена практика аренды повстанцами квартиры, где они находились под надзором жандармского офицера и полицейских [38, с. 52]. В размещении арестованных имели место случаи содержания их в палатках за городом [23, л. 16]. Минская православная духовная семинария вынуждена была переселить 80 воспитанников в частные дома и уступить 26 комнат для содержания арестантов [5, л. 3, 10–11 об., 17, 31].

В связи с данной ситуацией в следственные комиссии стали поступать прошения заключенных о возможности перевода их из казарм батальона внутренней стражи в богадельни по причине «совершенно расстроенного здоровья». Однако и эти учреждения были переполнены. Администрация могилевского приюта следующим образом попыталась разрешать ситуацию. Было предложено «разместить пять человек политических преступников в комнате, которую занимал караульный офицер, но так как в этой комнате не имеется решеток, то для отвращения побега установить железные решетки» [14, л. 121]. Приведенные дан-

ные свидетельствуют об отсутствии необходимых условий для содержания массового количества арестантов и бездействия со стороны следственной комиссии.

Отсутствовали единые, конкретные инструкции и предписания по содержанию подследственных. Поэтому условия содержания арестованных в период следствия отличались разнообразием, но не строгостью. «Политические преступники пользуются совершенною свободою, ходят по коридорам, двору и имеют незапертыми свои камеры», администрация тюремного замка не компетентна в вопросах, как должны содержаться под арестом подследственные, как все арестованные, или пользуются особыми льготами, в чем именно и в какой степени. Караульные офицеры не владеют инструкциями в отношении их обязанностей в карауле, где содержатся арестанты [14, л. 164 об.].

Встречались случаи, когда следственное дело могло находиться на рассмотрении военно-судебной комиссии, а подследственный при этом был подвергнут только домашнему аресту. Так, следственная комиссия приняла решение о «назначении караула в доме арестованных помещика Свида и его супруги» [19, л. 19]. Послабления арестованным иногда давались из-за необходимости передачи казарм батальона внутренней стражи «для размещения рекрутов, в этой связи повстанцы переводились в богоугодное заведение» [14, л. 160].

Весной–летом 1863 г. не был урегулирован и регламентирован вопрос о свиданиях. В этот период они разрешались повсеместно. Командующий войсками Могилевской губернии генерал-майор В. Яшвиль также не являлся сторонником строгой изоляции арестантов. Несмотря на продолжающийся следственный процесс, арестантам широко разрешались свидания, чем могли воспользоваться около 60 человек в день. В большинстве случаев это происходило без ведома следственной комиссии [31, s. 112].

13 июля 1863 г. командующему войсками Могилевской губернии поступило уведомление о недопущении никого для свидания с содержащимися под арестом участниками восстания. Однако попытка изолировать подследственных не имела успеха. Изобретались различные формы получения свидания. В рапорте смотрителя в казармах могилевского батальона внутренней стражи, адресованного следственной комиссии в сентябре 1863 г., отмечалось, что «неоднократно замечено, что в находившихся близ казармы еврейских домах дамы заходят в них, а некоторые и снимают квартиры и имеют разговоры из окон и дворов с арестованными. Полиция к устранению беспорядков не принимает ни-

каких мер» [14, л. 182]. Власти не смогли овладеть ситуацией и смягчили ограничения, выработав к октябрю 1863 г. «Правила для свидания с политическими арестантами, содержащимися в тюремном замке, в казармах батальона внутренней стражи и богоугодных заведений» [14, л. 188]. В соответствии с данным документом свидания разрешались только ближайшим родственникам, назначались два дня в неделю – в воскресенье и среду, в присутствии члена следственной комиссии, смотрителя, караульного офицера. Продолжительность свидания составляла не более получаса, разговор допускался только на русском языке, повторное свидание было возможно только по истечении семи дней. Лицо, допущенное к свиданию и нарушившее установленные правила, лишалось возможности на будущие встречи.

Важным элементом системы наказания повстанцев на территории белорусско-литовских губерний была деятельность военно-уездных начальников. С мая 1863 г. они становятся проводниками политики генерал-губернатора М. Н. Муравьева на местах [32, л. 346]. Все судебные дела после окончания предварительного следствия представлялись на рассмотрение военного начальника уезда. Его мнение и предложения вносились в заключение следственного дела и учитывались при вынесении приговора. В решении комиссии по делу о дворянине В. Кочане, несмотря на отсутствие «фактических доказательств о сношении его с мятежниками, но ... принимая во внимание местное убеждение Ошмянского военного начальника, который находит необходимым временное удаление из края В. Кочана, как человека подозрительного и вредного», он был признан виновным и выслан в Оренбургскую губернию [44, л. 3–4].

О зависимости следственной комиссии от военного уездного начальника свидетельствует и такой факт, что в его компетенции находился вопрос определения «полноты раскаяния», с которым повстанец обращался к российским властям [38, с. 50]. Вынесенный приговор крестьянину Ю. Яроцкому подтверждает, что «его чистосердечное раскаяние и откровенное показание» представлялись на решение военного начальника Ошмянского уезда [35, л. 4].

В июле 1863 г. вступили в силу дополнения к «Инструкции по организации военно-гражданского управления», по которой военно-уездные начальники были наделены новыми полномочиями. В частности, они получили право проведения военно-полевого суда над повстанцами в 24 часа, право конфирмации его решения и приведение приговора о смертной казни в исполнение [40, с. 125]. В сложившейся ситуации выбор каждого начальника был индивидуальным. Одни ссылались на то,

что не имеют военно-криминального кодекса и офицеров для выполнения функции аудитора, представляя подобные дела на конфирмацию высшему начальству. Другие, заручившись поддержкой со стороны губернской администрации, проводили судебные разбирательства без аудиторов.

К концу июля 1863 г. проявляется ужесточение репрессивных мероприятий, М. Н. Муравьев отдает приказ о лишении земли и дворов представителей шляхты, оказавших помощь повстанцам [2, с. 15]. Те же деревни, которые принимали наибольшее участие в восстании, после проведенного расследования предписывалось высылать, «жителей брать под арест для переселения их с семьями во внутреннюю Россию» или в Сибирь на водворение [33, л. 71]. Таким образом, практика проведения внесудебных репрессий, а именно ссылка в административном порядке относится ко второй половине 1863 г. Чаще всего она применяется в отношении представителей податных сословий [43, с. 103]. Обыватели околиц Репища, Тарногурки и Володута Игуменского уезда Минской губернии оказались виновными в «сношениях с мятежниками и недонесении властям о находившейся вблизи их деревни в течение двух недель повстанческого отряда Б. Свенторжецкого и снабжении его продовольствием» [2, с. 20; 4, л. 81]. За данные действия они были отправлены на водворение в Томскую губернию [4, л. 82–82об.]. Массовые репрессии коснулись жителей ряда околиц Минской губернии – Крживоблоты, Дзятовец, Гриневицы, Сутино, Смоляны, Каменцы, Бухалы, Полонная Груда, Чечеки и Гаврилковичи, Уборки (Борки), Французская Гребля, Подкосье, Орешковичи, Завишино, Подкаменка. Из Могилевской губернии была выслана околичная шляхта из Тертежа, Марусеньки, Литутей, Сеножатки [2, с. 21; 3, с. 61; 4, л. 37–40]. В 1863–1864 гг. с территории Гродненской губернии были высланы жители околиц Шумы, Пеняшки, Щука и частично Эйсмонтов-Надтабольских [24, л. 1]. Довольно сложно установить точную цифру высланных жителей из околиц. Ведомости, составленные уездными начальниками, не отличаются достоверностью. Тем не менее, опираясь на данные официального делопроизводства Гродненской губернии, получается более 500 человек [38, с. 59].

Возрастных ограничений для ссылки не существовало. В списках встречаются новорожденные, а также пожилые люди, возраст которых превышает 70 лет [4, л. 76–77, 81–84, 88–96]. Известны случаи, когда по невнимательности местной администрации, во время составления именного списка жителей околицы Луковицы Бельского уезда Гродненской

губернии, были включены слуги, которых, также как членов семей, выслали в Сибирь [38, с. 58]. Определением населенного пункта для ссылки его жителей занимались непосредственно военно-уездные начальники. Затем губернатор направлял общий список в Вильно, где определялось окончательное место ссылки для каждой отдельной семьи. Имущество ссыльных распродавалось. Полученные средства должны были раздаваться владельцам проданных имений на домашнее и хозяйственное обзаведение в местах назначения. Дальнейшие материалы делопроизводства, тем не менее, показывают, что многие оказались в местах ссылки без всяких средств к существованию [25, л. 51].

Значительная часть следственного материала, собранного на участников восстания, рассматривалась в военно-судебных комиссиях. 16 февраля 1863 г. было принято решение об учреждении таких комиссий на территории белорусско-литовских губерний [36, с. 216]. Они создавались и действовали при командирах полков и отрядов, при военных отделах в Динабургском ордонанс-гаузе, при минском батальоне внутренней стражи, а также в губернских и уездных городах. Чаще всего в военно-судебные комиссии поступали следственные дела, которые не входили в компетенцию военных начальников, а именно дела руководителей повстанческих отрядов, членов революционных организаций, офицеров российской армии, перешедших на сторону повстанцев [42, с. 329]. Военно-судебные комиссии в процессе рассмотрения собранных доказательств в ходе следствия определяли степень вины и ответственность лиц, принявших участие в восстании. Судебный процесс носил закрытый характер. В процедуре заседания суда формальностью была норма непосредственного присутствия обвиняемого участника восстания. Допускались заочная форма в разборе дел и вынесение приговора в отношении тех лиц, которые на момент заседания отсутствовали [26, л. 70].

Подобные судебные органы возникали спорадически, а их деятельность имела временный характер. Существенной особенностью этих комиссий было довольно частое совпадение их состава с составом военно-следственных комиссий. Возможно, именно по этой причине летом 1863 г. судебные органы были закрыты в уездах, но продолжали функционировать в губернских центрах [39, с. 218–219, 221].

Завершающим звеном в системе судебно-следственных органов по делам участников восстания является полевой аудиториат. В октябре 1863 г. был учрежден временный полевой аудиториат при командующем Виленским военным округом «для рассмотрения представляемых на конфирмацию к командующему войсками Виленского военного

округа и губерний Могилевской и Витебской военно-судных и следственных дел по политическим преступлениям» [36, с. 218]. Сюда поступали следственные дела, постановления следственных комиссий, предварительные приговоры военных судов. Аудиторы готовили приговоры, право вынесения окончательного решения принадлежало генерал-губернатору М. Н. Муравьеву, командующему войсками Виленского военного округа, помощнику генерал-губернатора виленского, ковенского, гродненского, минского генерал-майору А.Л. Потапову, виленскому генерал-губернатору, временному военному губернатору Минской губернии генерал-майору В. В. Яшвилю. [6, л. 15–15 об.; 7, л. 101; 12, л. 460, 613 об.; 13, л. 16; 15, л. 89; 20, л. 168]. В свою очередь конфирмации чиновников вносили существенные изменения в решения аудиториата. Так, М. Н. Муравьевым был изменен вердикт в отношении пробашча парафии св. Яна в Вильно В. Хундяуса происходившего родом из Волковысского уезда. В июле 1863 г. он был арестован по подозрению участия в тайных собраниях, а также за проводимую среди населения агитацию. Решением временного полевого аудиториата его приговорили к 2,8 года каторги, по истечении которой ему предписывалось отправиться на жительство под строгий полицейский надзор в Оренбургскую губернию. В соответствии с конфирмацией М. Н. Муравьева от 27 марта 1864 г. в качестве меры наказания ему была определена ссылка на постоянное жительство в Тобольскую губернию с лишением духовного сана и прав состояния [47, с. 206].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Горбачева, О. В. Восстание 1863–1864 гг. и репрессивные мероприятия царизма в Беларуси / О. В. Горбачева // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. – Kielce, 2005. – S. 111–118.
2. Макарэвіч, В. С. Высяленні дробнай шляхты з Мінскай губерні ў 1863–1864 гг. / В. С. Макарэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 10. – С. 13–22.
3. Мулина, С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А. С. Мулина. – СПб. : Алетейя, 2012. – 200 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1522.
5. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1628.
6. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 1. Д. 582.

7. НИАБ. – Ф. 320. Оп. 2. Д. 98.
8. НИАБ. – Ф. 1418. Оп. 2. Д. 1.
9. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31263.
10. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31307.
11. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31316.
12. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31584.
13. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 18.
14. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 32.
15. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 62.
16. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 240.
17. НИАБ. – Ф. 3046. Оп. 2. Д. 3.
18. НИАБ. – Ф. 3255. Оп. 1. Д. 3.
19. НИАБ. – Ф. 3255. Оп. 2. Д. 1.
20. НИАБ. – Ф. 3257. Оп. 1. Д. 8.
21. НИАБ. – Ф. 3286. Оп. 1. Д. 1.
22. НИАБ. – Ф. 3366. Оп. 1. Д. 3.
23. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 542.
24. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 1776.
25. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.
26. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.
27. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 12.
28. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
29. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 37.
30. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 974. Оп. 1. Д. 13.
31. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1624. Оп. 2. Д. 3.
32. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1714. Оп. 1. Д. 9.
33. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1714. Оп. 1. Д. 17.
34. Обушенкова, Л. А. Архивные материалы судебно-следственных учреждений 1863–1866 гг. по делам участников восстания / Л. А. Обушенкова // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». – М., 1964. – С. 211–279.
35. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе: в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 38. – Отд. 1. – 1866. – 942 с.
36. Радзюк, А. Р. Рэпрэсіўная дзейнасць уездных ваенных начальнікаў у 1863–1864 гг. (на прыкладзе Гарадзенскай губ.) / А. Р. Радзюк // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі : матэрыялы VII міжнар. навук. канф., Мінск, 25 верасня 2009 г. / Беларус. гістарычнае таварыства ; нав. рэд. А. Смалянчук. – Мінск, 2011. – С. 45–64.

37. Радзюк, А. Р. Дзейнасць следчых і судовых камісій на тэрыторыі Беларусі ў 1863 – 1864 гг. (на прыкладзе Гродзенскай губерні) / А. Р. Радзюк // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне : гісторыя і памяць : зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 208–223.
38. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях. 1863–1864 / сост. Н. Цылов. – Вильна : Тип. А.К. Киркора и бр. Роммов, 1866. – 383 с.
39. Свод военных постановлений : в 12 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1859. – Т. 12 : Устав Военно Уголовный. – 76 с.
40. Смирнов, А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30-60 годы XIX века / А. Ф. Смирнов. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 427 с.
41. Biłgorajski, F. Pamiętniki o sprawie chłopskiej w 1863 roku / F. Biłgorajski – Wrocław : Zakład imienia Ossolinskich – wydawnictwo, 1956. – 138 s.
42. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 378. – Ap. 154. – B. 775.
43. LVIA. – F. 378. Ap. 154. B. 1362.
44. LVIA. – F. 378. Ap. 154. B. 1365.
45. LVIA. – F. 378. Ap. 154. B. 1802.
46. LVIA. – F. 378. Ap. 159. B. 427.
47. Śliwowska, W. Syberia w życiu i pamięci Giejsztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa / W. Śliwowska. –Warszawa : DiG, 2000. – 399 s.